Ирина Коротеева

ЗЕЛЁНАЯ РЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА РОССИИ
Донской Писатель
РОСТОВ-НА-ДОНУ

2016 г

ББК 96(2Рос-Рус)96
К-167
ISBN 978-5-87612-92-8

Автор выражает огромную благодарность и признательность директору ООО «Газпром-межрегионгаз» Али Муссаевичу Узденову за оказанную материальную помощь в издании этой книги.

© Коротеева И.О., 2016 г.
© Издательство «Донской писатель», 2016 г.
© Художник Галицкая Л., 2016 г.

Ирина Коротеева

Ирина Коротеева – автор со своим сложившимся, узнаваемым стилем. Эмоциональность и глубина строк, приверженность к точному и изящному слову – особенности творчества Ирины.

Посвящаю эту книгу светлой памяти моей мамы Татьяны Сергеевны Бесклетко.

ТОННЕЛИ БЕССОНИЦ

Ангел

Весна. Скамейка. Незнакомый двор.
Ты здесь один. Читаешь приговор.
И буквы обнимают шею ловко,
И не спеша сплетаются в верёвку.
И этот май – последний твой приют.
А грозовое облако – предтечей,
Обронит слёзы вдруг тебе на плечи,
И старый дом с некрашеной трубой
Нависнет обелиском над тобой.

И вот уже ты на столе распят.
Вся в белом от макушки и до пят
Склонится над тобою докторица.
И ты уснёшь, и будут тебе сниться:
И мама и норвежская сестра,
Что вышла замуж в девяносто пятом.
Ты ездил к ней: счастливым, неженатым.
А после на могилку каждый год.
Она тебя и в этом тоже ждёт.

В Господних кущах без тебя никак.
Ну что же ты, медлительный дурак,
Застыл в неловкой позе у каталки?
Лежащего на ней себя так жалко...
Но посмотри: открытое окно!
Там, высоко, твои сестра и мама,
И пёс со странной кличкой Йокогама.
Лети туда, на тысячи свечей!
Там ждут тебя! Ты здесь давно ничей.

Рванёшься ты повыше, в облака.
Ты полетишь. Но крепкая рука
Тебе: и наказаньем и паденьем,
Надеждою, наградою, спасеньем.
И свят и светел пред тобою лик.
И вспомнишь ты, что ангелы крылаты:
Скрывают крылья белые халаты.
Колпак крахмальный – нимб над головой.
С тобой она – и ты живой, живой...

* * *

Ты думаешь: «Зелёная река…»
И вот твоя прозрачная рука
Хватает за хребты крутые волны,
И раколовки пескарями по́лны,
И берега осокою остры.
Закусывая солнечной галетой,
Ты без остатка выпиваешь лето.
А если через луг, наперерез –
Полны дубы и сосны до небес.

Дубы полны и сосны до небес:
Заступник твой, твоя обитель – лес.
И ты пойдёшь сквозь ельник на осины,
Подумаешь: «Как, Господи, красиво!»
И кто-то с тонкой ветки подтвердит,
Что лучший день: настоянный, осенний.
Октябрь – твой приют, твоё спасенье.
И тихо и покойно на душе,
Что всё твоё – оплачено уже.

Твоё давно оплачено уже.
Метёт зима холодное драже,
Ты дышишь над коричневою чашкой,
День нынешний как будто бы вчерашний.
А вьюговей январский за окном
С берёзами танцует по просёлкам,
Всё норовит пообниматься – к ёлкам,
И, заметавшись между старых груш,
Намается да и уснёт к утру.

…Намаявшись, уснёшь и ты к утру.
Как ни крути, а новый день – к добру:
Жердёлы закипают белым цветом,
И сплетничают воробьи про это.
Ещё про то, что майский день хорош,
Чтобы уйти и чтоб вернуться снова
Осокою, январским ветром, словом
Прозрачным, как зелёная вода.
И ты согласно улыбнёшься: «Да…»

Дриада

Из светлых грёз весна сплетёт перину,
Из сладких снов – пуховую подушку.
Обнимет ветер ласковый незримо
И будет петь ей в маленькое ушко.

За красоту и нежность ей в награду
Заря подарит жемчуга на косы,
В лесной купели юную дриаду
Омоют негой золотые росы.

Атласом трав зелёную дорогу
Любимый лес ей выстелет, стараясь.
И солнце, поднимаясь понемногу,
В макушку расцелует, улыбаясь.

***

Елене Мухиной
абсолютной чемпионке
мира по гимнастике

Баю-бай, моя голубка.
Поскорее засыпай!
Над тобою небо хрупко,
Скоро треснет как скорлупка,
Ну а там, должно быть, рай.

Лена, Леночка-бояка,
Пусть тебе приснится сон:
Как сумеешь после фляка*
Ты струной, а не корягой,
Приземлиться в поролон.

Баю-бай, тебе не спится:
Трудный выдался денёк.
Вязнут слёзы на ресницах:
Руки-плети, ноги-спицы,
Да пудовый потолок,

Да вонючая простынка,
Да промокшее бельё…
Тает, тает словно льдинка,
Под февральскую сурдинку
Сердце бедное твоё.

Фляк* - акробатический элемент

А была ты крепче стали:
Для таких медали льют.
Только думала едва-ли
Что из ленты для медали
Жизнь сплетёт тебе петлю.

Помнишь звания и кубки,
Флаг, взлетавший над тобой?
Отдохни, моя голубка,
Хоть часок, хотя б минутку.
Спи, мой маленький герой!

Именины

Октябрь. Восьмое. Краснеют осины,
Стучится в калитку простуженный ветер.
У Веры Смирновой в четверг именины.
Ох, как же некстати ей праздники эти!

Управиться нужно до снежного пуха:
Того и гляди – занесёт огороды.
Не балует яйцами больше пеструха:
Ей две пятилетки – немалые годы.

Окошки отмыть до зеркального блеска
Для Веры Петровны, конечно, задача.
Вот был бы сынок – помогла бы невестка,
Да только Господь всё управил иначе…

Работы хватает: почистить дорожки,
Проверить запасы капусты и лука,
Свеколки, морквы и любимой картошки.
Хотя едоков: ку́ра, кот, да старуха.

И скоро продрогнет по этой погоде
Ветшающий дом без хозяйского глаза.
Хозяин-то помер в Покров в прошлом го́де.
Вот так: именины и по́мины сразу.

И вечер вплетая в худую косицу
Тихонько заплачет она под иконой.
И к мужу у Боженьки будет проситься,
Припав к образа́м головою склонённой…

* * *

За далёкой горой анфиладу небес
Подпирает седой древне-сказочный лес.

И когда надо мной хмурит брови гроза,
Я под белой луной, закрывая глаза,

Устремляюсь туда, где нет слёз, где нет бед.
Та привычка сильна вот уже много лет.

Для меня круглый год там поют соловьи:
Их немало живёт в этой части земли.

На кудрявых кустах там растёт виноград,
А для розовых птах нет оков и оград.

На берёзах – арбузы, на соснах – цветы,
И в сиреневом блюзе танцуют мечты.

Необычного кроя листы на дубах.
Нет чудовищ и троллей в чудесных местах.

Там всё так, как хочу. Несмотря, вопреки.
Поброжу, помолчу, и случатся стихи.

Светлое

…И пишет солнце на твоём окне:
«Вставай скорей! И выходи ко мне!»
А ты в объятьях маминой перины,
В обнимку с шоколадкою и с «Грином»,
Давно забыв о стрелках на часах,
О шёлковых мечтаешь парусах.

Твоя простуда – высший дар небес!
Ведь можно с каблуками или без
Крутиться перед стареньким трельяжем,
Примерить шубу бабушкину даже.
И за ангину лучше всех наград:
Набор любимых маминых помад.

Пятнадцать. Метр семьдесят. Второй.
Тебя и палкой не загнать домой.
Опять ты притворяешься упрямо:
Тебя зовёт совсем чужая мама.
«Домашка» и сегодня подождёт:
Куда спешить? До выпускного – год!

А вот и выпуск! Первый твой рассвет.
И то, о чём ты помнишь столько лет:
Светило, раздвигающее тучи,
И мир, как будто выше, словно б лучше.
На плечи, вдруг, наброшенный пиджак.
Всё так, как раньше. Только ведь, не так…

Года – на выдох, города – на вдох.
То – пыль степей, а то – чернильный смог.
И всё, за что хватаешься нахально,
Случается. Случайно ль? Не случайно?
Но жизнь, она, то – яма, то – редут:
Из точки «А» упрямцы в точку «В» идут.

Идёшь и ты. И поле за тобой
Заколосится сочною травой.
И в дебрях будяка́ и молочая
Заблудятся все те, о ком скучаешь.
Но только слышишь по ночам: едва
Колышется, колышется трава…

Степная песня

Ковыли заплетутся в косы,
В них росой упадёт рассвет.
И в речушке от неба просинь,
И скворцам конкурентов нет.

Отголосок грозы далёкой
Не пугает уже стрекоз.
И парящий лениво сокол
Не боится каких-то гроз.

Воздух сладкий степным дурманом
Ляжет шалью по-над землей.
Надышавшийся ветер пьяный
Улетает и за собой

Он уносит без сожаления
Пыль тяжёлых и чёрных дней.
Восхищаясь его умением,
Жизнь идёт налегке, быстрей.

Интервью

«Ну, писака, пиши! Побалакать – за милую душу.
Не смотри, что седой – я здесь главный екчперт по донцам!
Дам тебе ентервью, коли схочешь ты дедушку слушать…
Токма ты не спрашай, я усё расскажу табе сам!».

Закусив козью ножку с ядрёной вонючей махоркой,
На завалинке старый казак вёл неспешный рассказ:
«А как звать табе? Игорь? Ага, значить, будешь Егоркой.
И зачну я с того, как гусяток на хуторе пас.

Голытьба голытьбой… Даже лапти на пару с братухой!
Но внушала маманя всегда над похлёбкой пустой:
«Как донским казакам не жилось бы погано и тухло,
Честь и волю свою не меняли они на покой!».

Ведь казачья-то слава спокон по заслугам гремела!
Батька Дон завсегда за Расею горою стоял!
И хренцузы по шапке от нас получали за дело,
И Михайло Кутузов за то казачков уважал!

Тумаков надавали фашистам мы, бисовым детям…
Ну а Гитлеру лично емпичмент я свой расписал!
Только фриц под Ростовом пометил меня в сорок третьем:
Мне под рёбра, анчихрист, осколок от бомбы загнал.

А ответь-ка мне, паря, ты знаешь, что праздник в станице?
Слухай, как над казачьей землицей поёт благовест!
Хочь и справный ты хлопчик, поди ж, не умеешь креститься?
От и я же гутарю: не тот нынче в людях замес.

Покрова́ на Дону… А без Богу казак – сиротина.
Не без милости Бог – не без счастья казачья судьба.
И казаче у Бога любимая дюже детина:
Если в рати казак – не берёт никакая хворьба!

Ну, Егорша, бывай! Забалакался чой-то с тобою…
И запомни: опора расейская – Батюшка Дон!»
А над гордой и щедрой великой донскою землею
Разливался живительной благостью радостный звон…

Кормилица

Ветхой шалью годы нá плечи,
Дни пудовые – да тоньше волоса.
Ей бы кашу проливать с печи,
Иль под солнцем млеть зрелым колосом.

Ей бы пить кефир вдоволь сладенький,
Да чтоб косточки – да на подушечку,
А она в тулупе драном и в валенках
Тащит на базар моркву, зеленушечку.

Руки, рученьки... Вены синие...
А в виски тоска молоточками:
«Ведь была-то я раньше сильною,
Деток рóстила – сына с дочкою.

Дом плескался наш полной чашею,
Мужу я была справной жёнушкой.
Что же стало-то с жизнью нашею?
Да за что ж нас так, да об донышко?

В дальнем годе в редкий паводок
Муж утоп, а я, бестолковая,
Познавала науку: сколько нáволок
Может за ночь сгрызть баба вдовая.

А за ним отправился вслед и сыночка:
В Чёрной Были сгорел яркой свечкою.
И теперь одна у меня кровиночка:
Дочка – досточка поперечная.

Горе горькое, счастье талое…
Дал Господь её в наказание.
Непутёвая, неудалая.
Знала б, будет так, я заранее

От рассвета до поздней ноченьки,
На пороге б лежала камешком.
Может быть, посмотрела б доченька?
Может быть, пожалела б мамушку?

И от первой хмелящей чарочки
Отказалась бы ради матери.
Каждый год по внучку в подарочек,
Стал бы дом самобранкой-скатертью!

Руки, рученьки... Вены синие...
Вены синие... Скулы битые...
Ведь была молодой, красивою,
А теперь, что петлёй обвитая.

Мне бы с мужем пора увидеться,
Да с сыночком на райской лавочке...»
И, вздохнув, побрела, кормилица,
Схоронив рубли под булавочку.

О чём мечтают дети

«От вас, дармоедов, какой государству прок?
Лишние нервы, да грязные вечно про́стыни!»
Нянька седая, железный задев горшок,
Щедро укрыла лужу матерной россыпью.

«Просто закрой глаза, и она уйдёт!
Чуть потерпи и станет совсем не страшно!» –
В отчаянном плаче подковой кривился рот,
Капали слюни на тоненькую рубашку.

Кашей засохшей царапались рукава,
Чёрные тени казались ему чудовищами.
От боли горела и плавилась голова.
«На! Забирай, уродец, своё сокровище!

Эй! Чего замолчал? Да, ты, вроде, спишь?» –
Старая ведьма словами секла безжалостно.
Вцепившийся в грязного мишку горбатый малыш,
Тихо шептал молитвою: «Мама, пожалуйста!

Можешь скорее отсюда меня забрать?
Я ведь уже большой и совсем не в тягость.
Стану я меньше есть, и тебе помогать.
Я – не убогий! Не дармоед! Не гадость!

И покажу я тебе, как могу ходить –
Вовсе без костылей и почти без палочки!
Мама! Ты знаешь, как стану тебя любить?
Буду я самым послушным на свете, мамочка!

Мне не нужны ни игрушки, ни шоколад.
Не попрошу конфет, пирожков со сливами.
Может быть, только клубнику и виноград,
Видел я их на картинке – они красивые...»

Дом инвалидов – обсыпавшийся изгой,
Слушал привычно стенания тёмных комнат.
Мечталось ходячим быстрее сбежать домой,
К мамам любимым, которые их не помнят...

* * *

А за Дон могучий солнышко садится,
Всколыхнувшись, рябью реченька пошла,
Камышам мохнатым снова зорька снится,
Слышен издалече тихий всплеск весла.

Лунная дорожка золотом сияет,
И по ней, вздыхая, ветер пробежит.
Словно бы какую тайну ветер знает,
И луна, конечно, тайну сохранит!

О пологий берег волны мирно бьются,
Беды и ненастье унося с собой.
Над водой хрустальной тихо песни льются,
Дочиста омыты девичьей слезой.

И в мерцанье дивном на ночной арене
Всё живое, словно не дыша, замрёт.
Из речной пучины в белоснежной пене
Выплывут русалки снова в хоровод.

Ну а если парня вдруг неосторожно
Ноги по тропинке сами приведут,
То его, целуя и лаская нежно,
За собой девицы в омут унесут.

На рассвете зыбком, сказок насмотревшись,
Размахнётся солнце алою косой.
И над нивой сытой, ото сна зардевшись,
Вдруг всплакнёт по-бабьи, сладкою росой.

* * *

Марине Цветаевой

Сегодня ты зайдёшь в остывший дом
И сбросишь день у зеркала в прихожей.
Посмотришься: оно к тебе все строже,
И ты одна и в том, и в том, и в том
Старинном у распахнутой кровати,
Запросишь у стекла пощады: «Хватит!»
Заноет где-то слева под ребром.

И будет вечер горек и не прав.
А в окна месяц, что совсем не нужен.
Но здесь – покой. Ты в панцире из кружев,
Сплетённых словно б из засохших трав,
Спасенье пьешь из тонкого фужера,
И не с тобой сейчас надежда, вера:
Вино! Вино – вкусней других отрав.

Засветится знакомая звезда,
Опустится на край соседской крыши.
Ты обо всем подробно ей напишешь:
Что щедр Господь, что всё тебе отдал.
Ты – тратила, а, может быть, теряла.
Тебе – конец, увы. Другим – начало.
Что плакать? Слёзы – слёзы лишь вода.

Что раз лукавишь – и сейчас грешишь.
Что жизнь твоя – лишь пепел на кострище.

Тебе откажут в милости, как нищей:
По-русски выпить на помин души.
Ах, как вино в бокал красиво льётся...
Звезда твоя юродствует, смеётся.

Остановись, Марина! Не спеши...

Одиночество

В два пополудни зайдёт в гастроном и чинно
Вложит старушка в ладонь продавца копейки:
«Дайте сто грамм, как и прежде, вот той, ветчинной:
Любит на ужин отведать её котейко».

Шею пытаясь закутать в лиловый шарфик,
Веером белым просыплет она таблетки.
Их, собирая, прошепчет: «А, хочешь, Марфик,
Завтра в обед я пожарю тебе котлетки?»

И, прихватив у кассы газет вчерашних,
Вдруг улыбнётся бабуле с кричащим внуком:
«Вижу, ваш любит печенье, изюм и кашу?
Марфик, представьте, сосиски с зелёным луком».

Вот и готова. Теперь ей – к заветной лавке,
Чистым платочком смахнуть, для порядка, крошки…
Чтобы смотреть на могилку с крестом из палки,
Ту, что серебряной давеча рыла ложкой.

Осенняя справедливость

С весной поспорит осень золотая
В том, что полезно для людской души.
И мы, как люди опытные, знаем:
Осенние закаты хороши.

Как высоки деревьев красных арки,
Как чистый воздух бесконечно свеж.
И дарит осень жизни нам подарки:
Свершенье наших планов и надежд.

Нам шлось непросто к этой трудной цели.
Когда казалось, что так близко рай:
Под солнцем нивы сытые горели,
И погибал желанный урожай.

У оптимистов – крепкая основа!
Не привыкать к работе нам и что ж?
Сжимая зубы, наблюдали снова,
Как бил рассаду беспощадный дождь.

Судьба не церемонилась особо:
Морозила, калила добела.
Но, оценив упрямство высшей пробой,
Нас за руку в день этот привела.

Ну чем же, чем, сентябрь хуже мая?
По локоть руки опустив в зерно,
Мы плачем и смеёмся, понимая,
Всё это нам заслужено дано!

* * *

Тоннели бессонниц пустынны и гулки.
Года-города, месяцы-переулки.
Блукаешь, зовёшь: ни движенья, ни вздоха,
И каждая ночь до рассвета – эпоха.

Тоннели в метели, под зноем палящим,
С мечтами о будущем и настоящем,
С подушкою мокрой от слёз и от пота,
Где капелька сна – разнедельная квота,

И с верою в счастье и с планом вендетты,
С ментолом забытой на вкус сигареты,
С разбитою чашкой, вселенским покоем,
И с новой, рождённою в муках, строкою…

Моему другу Данко

Наверно, где-то в царстве тридевятом
На сундуке из вековой берёзы
Судьба-трудяга вышивает златом
На тонких пяльцах то шипы, то розы.

Стежок к стежку. На гобелене дивном
То райский сад, то закипают ветры,
То лунный свет над океаном мирным,
А то – барханов жёлтых километры.

И для тебя нашлось немало пряжи:
Не поскупилась грозная старуха.
Бураны были и цунами даже,
То дождь хлестал, то было знойно, сухо.

Не прогибаясь пред земной стихией,
Пренебрегая временами года,
Ты шёл вперёд! И, уважая силу,
Смирялась непокорная природа.

Быть первым – непосильная задача
Для слабых духом и скупых душою.
Быть первым так непросто… Это значит:
Жить и пылать! И помнить: за тобою

Не просто воздух, не пустые степи,
Не ворох дел, ответственных и мнимых,
А люди, люди! Ты за них – в ответе!
Неправда то, что нет незаменимых…

Гори, сверкай! И пусть тебе в награду
За то, что раньше так бывало трудно,
Зажгутся сотни, миллионы радуг –
Давно тобой заслуженное чудо!

* * *

В час, когда полу́ночные тени
Закрывают вечер на затворы,
Преклонив усталые колени,
С Господом веду я разговоры.

И трещит свеча, как на морозе,
Под иконой строгой догорая.
И струятся сладостные слёзы,
Из души всю скверну вычищая…

Последнее утро

Первый луч проскользнул сквозь закрытые наскоро шторы,
И в неравной борьбе рассыпалась ночная броня.
В полумраке старуха вела с собой долгие споры:
«Как говаривал папа: «А идише коп»* у меня.

Уродилась я умной, а надо бы было красивой!
Вот сейчас возлежала бы павою царских кровей!
А вокруг причитали б со всею еврейскою силой
Черноглазые внуки. Как там говорится: «Ой, вей!»**

Нет ни внуков, ни папы… И нет мне еврейского счастья!
Я по памяти ветхой бреду, спотыкаясь, впотьмах.
И усталое сердце стучит на прощание часто –
Вот теперь-то дела у старушки, наверное, швах!

Мне давно уже стали компанией чёрные тени,
Что сейчас из холодных углов наблюдают финал.
На постылой кровати я словно играю на сцене,
И в немом ожидании замер насмешливый зал.

Обмануть эту публику, наверное, было б нечестно.
Вот сейчас Маргаритою Львовною*** я повернусь,
И спою, пусть фальшиво, но, в общем и целом прелестно.
Госпожой Луазо**** от души я водички напьюсь.

---

*еврейская голова (идиш)
** горестный вздох (иврит)
*** героиня Ф. Раневской из к/ф «Весна» (1947 г.)
****героиня Ф. Раневской из к/ф «Пышка» (1934 г.)

Вновь напомню я Муле* о крайне истрёпанных нервах,
Побрюзжу склочной Мачехой** я на свою нищету.
И взгрустну о Шарлоте***, той самой – любимой и первой,
А с Люсиндою Купер**** черту, наконец, подведу.

Мне пора собираться и сердце уже подгоняет…
Заждались не рождённые внуки и мама с отцом.
Ухожу я к тому, кто всех лучше, наверное, знает –
Жизнь меня не щадила, была мне терновым венцом.

Рассмешить от души их там было бы, впрочем, не плохо.
Перед дальней дорогой немного теперь помолчим…».
На июльском рассвете от нас уходила эпоха.
Без Фаины Раневской стал мир безвозвратно другим…

---

*имеется в виду крылатая фраза героини Ф. Раневской Ляли из к/фильма «Подкидыш»: «Муля, не нервируй меня» (1939г.)
** героиня Ф. Раневской из к/фильма «Золушка» (1947г.)
*** первая роль Ф. Раневской в пьесе А.Чехова «Вишнёвый сад» (1920г.)
**** последняя роль Ф. Раневской в фильме-спектакле «Дальше – тишина» (1978г.)

Прабабушке

Разменяет слёзы на слова
И прольёт на тонкие страницы,
И от строк взметнутся в небо птицы,
На прощанье покружив едва.

Провожая их в далёкий путь,
Простоит она у пыльной рамы:
Героине небывалой драмы
До рассвета нынче не уснуть.

Ну а утром – маменькин пирог,
Из арабской чашки кофий сладкий.
И ещё, пожалуй, шоколадки,
Подведут любви её итог.

И её десятая весна –
Лучшее спасительное средство.
Беспощадно перемелет детство
Через год гражданская война.

И судьба, безжалостная к ней,
Приведёт к крестам, стоящим вместе,
Но убережёт нательный крестик,
Сохранённый до седых корней.

Будет так когда-то. А пока...
Сквозь года картиной я любуюсь:
Пишет ночью девочка, волнуясь,
Высунувши кончик языка.

Родион

Тают в небе по сроку звёзды,
А под небом без дум и снов,
Получив долгожданный роздых,
Вечным сном спит корнет Белов.

Вместе с ним: горсть родной землицы
Из ромашковых дальних мест,
Да в истлевшей давно тряпице
Потускневший нательный крест.

Зимы кутают в саван мрамор,
А туманы плетут вуаль.
Назвала Родионом мама –
Свою гордость, свою печаль…

Он – последняя ветвь на древе,
Внук – достойный своих дедóв,
Бился в кровь за душистый клевер,
За весну молодых садов,

За рассветы над отчим домом,
За Россию, и за царя…
Только жизнь покатилась комом,
Получилось, что всё зазря.

И осталось: на ужин стопка,
Пустота эмигрантских лет,
Из знакомого – только водка,
Из чужого – весь белый свет.

Женевьевы Святой обитель.
Укрывают снега погост,
Вьюги вьют ледяные нити,
Бродят тени с крестами в рост.

Там под небом, как будто курским,
Чад лампад, да укор икон.
Крепко спит там не бывший русский,
Спит без Родины Родион.

Марусе

Сквозь отчаянно сжатые пальцы
Жарким воском стекает тоска.
И судьба вышивает на пяльцах,
Что не быть ей счастливой. В тисках

Сердце вторит: «Нескладною клушей,
С полукружьями рёберных дуг
Под синюшною кожею. Лучше
В монастырь удалиться! Подруг

Только жалко. Одной обещала
Юбку новую дать на два дня.
А вторая... Вторая сказала…
Да, подруга одна у меня.».

И, забросив за плечи косицу,
Не мигая, смотрела на свет,
Невозможно прекрасная птица
Несчастливых пятнадцати лет.

* * *

... И, руки опустив легко на плечи,
Она, как лист оторванный, дрожала.
«Сегодня был у нас последний вечер…» –
Губами ледяными мне шептала.

«Живи как знаешь, а верней, как сможешь.
Хмельной свободы допьяна напейся!
Но помни – больше взять, чем ты положишь,
Не выйдет, милый, даже не надейся...».

Она вздохнула напоследок тяжко,
В тряпье свою худую грудь закутав.
И, развернувшись, побрела бедняжка,
Наш узел разрубив, а не распутав.

А я смеялся в сгорбленную спину,
И хохотал до слёз, как сумасшедший.
Неужто думает, что без неё я сгину?
Мне будет житься на порядок легче!

Неделя первая стрелою полетела,
В отчаянном, безудержном веселье.
Душа искрилась и от счастья пела,
Подолгу не страдая от похмелья.

Была вторая не такой уж классной.
Я, на глазах трезвея, озирался.
Поверить в то, что я живу прекрасно,
Уже не мог, как только не старался.

Смолою чёрной время еле-еле
Из ночи в день неспешно выливалось.
Я волком взвыл на следующей неделе!
Почти не спал, не глядя на усталость.

И распрощавшись с глупою бравадой,
Порастеряв свою былую доблесть.
Я понял, что была она – наградой.
Что жить мне трудно, потерявши совесть.

Сон

На серый креп измученного неба,
На скатерть нив, не нарожавших хлеба,
Не выйдет, не освятит, не прольёт
Ни капли жизни гордое Ярило.
Сюда оно дорогу позабыло,
Его уже давно никто не ждёт.

Глумится здесь костлявая с косою,
И пеплом, как прохладною росою,
Засыплет перья пожелтевших трав.
И вырежет карающею дланью –
Глуха к мольбам, безжалостна к стенаньям –
Тех, кто был прав и тех, кто был неправ.

Над ними воет одинокий ветер,
Круша в труху беспомощные плети
Почившей не по времени лозы.
И с тонких веток сгорбленных берёзок
Срывает пыль, как высохшие слезы,
И льёт в озер глубокие тазы.

Но, подивившись чёрным сновиденьям,
Светило, задержавшись на мгновенье,
Закатит на рассвете щедрый пир.
И острый запах хлеба молодого,
Тобою тихо сказанное слово,
Вернут мне этот неразумный мир...

* * *

Уже зима в морозные чертоги
Ворота ледяные закрывает.
И март весне промёрзшие дороги
Прозрачным чистым светом озаряет.

Не поспевая за своей хозяйкой,
Мороз лютует на заре встающей.
Он выложит хрустальною мозаикой
Густых лесов загадочные кущи.

А ветер, загрустивший от разлуки
С коварною изменницей метелью,
Берёзкам стройным расцелует руки,
И закружится с одинокой елью.

Под кружевом тончайшим небосвода,
Рассматривая звёздные пылинки,
Потянется красавица природа,
С себя сдувая белые снежинки.

Утреннее

Врезались сосны в низкий небосвод
И на стволах через янтарный пластырь
Светился расшифрованный мной код:
Счастливейший – две тысячи тринадцатый.

На тонких перьях хвои молодой,
Средь лепестков осыпавшихся шишек,
Мерцал росой заслуженный покой,
В душе рождая радостные вирши.

С почтеньем наклонившись до земли,
Взахлеб пила я чистое прозренье,
И выводили трели соловьи.
И певческих наследник поколений:

Ансамбля малого большой солист
На все вопросы дал свои ответы.
Сверкнув ребром, растаял лунный диск,
Мне на удачу брошенной монетой.

До встречи

Ветер погонит по небу вдоль Дона отары,
Пухлые им подбивая бока на ходу.
На облаках загадаю сегодня, Самара,
Нам с тобой встретиться в этом счастливом году.

Ты родилась, говорится в преданиях старых,
Очень давно между двух удивительных рек.
Ими сильна и сейчас ты, я знаю, Самара,
Первым самарцем был умный, видать, человек.

За широту незнакомых зелёных бульваров,
За красоту и за щедрость самарских людей,
Сердцем заочно тебя полюбила, Самара,
Хочется, чтоб и меня ты считала своей!

Ведь, заболев, попивая от кашля отвары,
И от забот отдыхая в осеннем саду,
Взяв в руки лист, карандаш – я с тобою, Самара,
С сердцем своим и с душой пребывая в ладу.

Розовым окна закат занавесит муаром,
И, закрывая глаза, вижу лучший из снов:
Словно бы едет к тебе, дорогая Самара,
В гости с визитом, знакомиться, папа-Ростов.

Странник

Давно забыв который год,
Брёл путник по крутой дороге.
Взгляд застилал солёный пот
И стёрлись в кровь больные ноги.

Не видел он как малахит
Багрянцем огненным сменялся,
А ветер, что цветы кружúт,
Метелью ледяной казался.

И щебетанье звонких птиц
Звучало в сердце грубым криком.
У чистых рек не падал ниц,
Своим не любовался ликом.

И в редкие минуты сна
Цветная жизнь ему не снилась.
А цель, которая была,
Затёрлась и почти забылась.

Он обречённо шел вперёд,
За ним тоска тащилась следом,
И путеводный свет звезды
Был путнику давно не ведом.

Судьбину горькую кляня,
Решил, что он теперь изгнанник.

Но неожиданно к нему
Навстречу вышел дивный странник.

В простой рубахе и босой,
Как дуб могучий он держался,
И крепкою своей рукой
На посох древний опирался.

На ангельском его лице
Глаза лазурные сияли,
И, стоя в радужном кольце,
Был встречей удивлен едва ли.

«Позволь на жизнь твою взглянуть,
Чтоб ни минуты не пропало.
Прошёл ты, путник, долгий путь,
Но предстоит еще немало…

Что ждать: потерь или наград,
Один Господь, конечно, знает.
Но лишь своих любимых чад
Он трудным самым награждает.

Возможно, будешь удивлен
Столь неожиданным признаньем,
Ведь был ты на веку своем
Подвергнут многим испытаньям.

Держал удар достойно ты,
Не оставляя за собою
Дотла сожжённые мосты.
И я за то горжусь тобою,

Что всем невзгодам вопреки
Ты шёл, упрямо сжавши зубы.
И попадались на пути:
Огонь, вода и даже трубы.

Врагов по счастью не нажил,
А вот завистников – немало.
Ведь без усталости крушил
То, что идти тебе мешало.

Да, ты терял: не близок путь
До ждущего тебя порога.
Казалось, что еще чуть-чуть
И вот закончится дорога.

Ну что ж, мне хочется воздать
За всё, что стало твоей болью:
Ты будешь жить, а не страдать,
Когда наполнишься любовью!

Подарок этот береги,
Ведь он не каждому дается.

То, что ты людям отдавал,
К тебе сторицею вернется».

Промолвив это, в тот же миг
Тот странник в зареве растаял.
И дивной птицы громкий крик
Очнуться путника заставил.

Вокруг растерянно взглянув,
Увидел луг перед собою.
Он воздух сказочный вдохнул:
Цветами пахнет и травою.

В ручье прозрачная вода
О чём-то радостно журчала.
И всё плохое навсегда
С теченьем быстрым забирала.

И путник, зачерпнув воды,
Увидел в ней такие дали!
На сердце стали таять льды,
Что панцирем его сковали.

И, вспоминая странный сон,
Почувствовал себя хранимым.
Вдруг понял путник: будет он
Не просто нужным, а любимым.

И непосильный тяжкий груз
Упал и вдребезги разбился.
Глоток воды – нектар на вкус,
На раны давние пролился.

И, улыбаясь, сквозь года
Пошёл, не делая привала.
А в небе яркая звезда
Ему уверенно сияла.

КАНОНАДА ДАЛЁКОГО БОЯ

Хатынь

Иссякли реки, высохли колодцы,
Полны озера не прохладой – пылью,
Вода ключом в источниках не бьётся,
Деревья к небу тянутся бессильно.

В багровых бликах виделось мальчишке:
Сжигает солнце белую пустыню.
И было страшно, было больно слишком,
В горящей хате посреди Хатыни.

Толпы безумной малою частичкой
Он бился в брёвна, пальцы обдирая,
Стучало сердце – птичкой-невеличкой,
О будущем не ведая, не зная.

«Ведь ты всё можешь, Боже Всевеликий!
Будь милосерден и останься с нами!».
Но равнодушно пожирало крики
Безжалостное, яростное пламя.

Пытаясь сбросить жаркую солому,
Стонали изувеченные стены,
На плечи саван плачущему дому
Набрасывало небо постепенно.

Но вдруг среди обуглившихся балок,
Мальчонка щуплый в полный рост поднялся.
Был обожжён и ранен, но не жалок:
В лицо он палачам своим смеялся!

Взметнулась обгорелая рубаха
От ветра, словно ангельские крылья,
И затряслись каратели от страха,
Всё больше свирепея от бессилья.

Под беспощадной очередью хлёсткой
Мальчишка пал, захлёбываясь кровью,
И виделись в последний миг берёзки,
Склонившиеся тихо к изголовью.

И адовым очищены горнилом,
Освободившись от земных страданий,
Сто сорок девять душ прощались с миром,
Великодушно этот мир прощая.

А сто пятидесятой срок не вышел –
Старик очнулся возле пепелища
И, ничего не видя и не слыша,
Пополз к своим на скорбное кострище.

И на холодном призрачном рассвете
Средь груды тел, растерзанных войною,
Нашёл сынка… Висели ручки-плети.
Отец упал тяжёлой головою.

И, груз бесценный на руки поднявши,
Побрёл, шатаясь, над ребёнком воя.
Один живой среди безвинно павших,
Седой отец убитого героя.

Светлы весной рассветы над Хатынью.
И колокольный звон – слезой Господней.
Пред павшими под бесконечной синью,
Колени преклоняю я сегодня...

* * *

Все кончилось. Закончилась война.
Ты выжил. Победил, что очень важно.
Давил и тех, кто пыжился отважно,
И тех, кто низко голову склонял.

И в честь тебя пурпурны небеса.
Деревья обречённо горбят плечи.
Впечаталось в кору уже навечно
Всё то, что ты сегодня им сказал.

Теперь пусты убежища врагов,
Примкнувших и сочувствующих тоже.
Был этот день не зря тобою прожит:
Ни умных больше нет, ни дураков.

И жалкий мир, как брошенный щенок,
Скулит дверями вымерших подъездов,
И нет на проводах вороньих съездов:
Ты победил! Ты сделал все, что смог.

То, что боролось – обратилось в прах,
Просыпалось на землю белым мелом.
А ты стоишь и плачешь, как дурак,
Невидимый, как белое на белом…

Невеста

Изувеченной пойманной птицей
Бьётся сердце её по утру.
И опять до рассвета не спится:
«Видно точно – к Покрову помру...».

Как давно утомившийся путник,
Догорая, лампада чадит.
Да Николушка – верный заступник,
С укоризной с иконы глядит.

«Ведь девятый десяток годочков,
Нужно меру, наверное, знать.
Нерождённые трое сыночков
Ждут уже и батяня, и мать.

И на райской зелёной поляне,
Как тогда, под кудрявой ольхой,
Знаю: ждёт с нетерпением Ваня –
Лепесточек оторванный мой.

Нецелованной юной невестой
На свиданье к нему побегу,
С васильковым подолом небесным,
С белым бантом на правом боку.

И, Господние кущи качая,
Захлебнутся колокола!
Я скажу ему, если не знает,
Что всю жизнь я его прождала.

От войны всё до буквы, до точки,
Захочу я ему рассказать.
Будут рядом три наших сыночка
И, конечно, батяня и мать».

И морщинистой скорбной дорогой
На подушку из выцветших глаз
Тихо слёзы: «Осталось немного,
Чтоб смогла я увидеть всех вас...».

Полетит чистый звон благовеста,
Разрезая туманный покров.
Перекрестится тихо невеста
На девятом десятке годов...

Предатель

Он полз ужом. Он страх цедил из луж.
Грыз горький ужас с жухлою травою.
А за спиной шесть преданных им душ
Взмывали ввысь из жаркой топки боя.

По красным листьям, брызнувшим с осин,
По каплям слёз, пролитым небесами,
Он уползал. Он был теперь один.
Предав друзей. Врагам оставив знамя.

Не принятый брезгливо наверху,
Он выжил. Жил. Пил по субботам водку.
Ел в будни щи, по праздникам – уху,
На Первомай с соседями драл глотку.

Но всё-таки сбежал под образá,
Когда уже не смог дышать от страха.
Из ночи в ночь – те, шестеро, – в глаза.
И жизнь такая оказалась плахой.

* * *

«Мне б сейчас доползти до стакана
И холодного счастья махнуть,
Чтоб потом беззаботным и пьяным
Под берёзкою тонкой уснуть.

Раздавить бы в тяжёлые крошки
Незалапанное стекло,
Чтобы с чёрною кровью немножко
От души оттекло, отлегло.

Позабыть бы цветы на обоях
И не грызть больше серую пыль.
Не по мне ль за окном ветер воет?
Не по мне ли тоскует ковыль?

На высокой пригорок как прежде
Мне б своими ногами взбежать,
Только цепкими лапами держит
Ненавистная дыба-кровать.

И молчат наверху, понимая:
Нужно быть мне давненько в пути.
Только вот незадача какая:
Нечем к Господу Богу идти.

Ну чего расскрипелся, коряга?
Что расклеился нынче к утру?
Где же удаль твоя и отвага?
Ничего, не боись, не помру…»

И зубами подушку терзая,
Не смыкая измученных век,
На рассвете девятого мая
Плакал сильный седой человек.

Четвертый взвод

Выйдут звёзды по сроку послушно
На чернильный сатин небосвода,
И укрытые снегом радушно
Спят бойцы из четвёртого взвода.

Не тревожит их сон буйный ветер,
Что играет с холодной метелью,
И от снега погост чист и светел.
Спят бойцы под разлапистой елью.

Им звучит поминальной молитвой
Канонада далёкого боя,
Да волчица отточенной бритвой
Режет воздух, над павшими воя.

А весною влюблённой девчонкой
Их заботливо примет землица.
С благодарностью, чисто и звонко,
Будут трели хрустальные литься.

И когда-нибудь звёздной дорогой,
Что с чернильного спустится свода,
Вдаль уйдут, глядя в души нам строго,
Парни те из четвёртого взвода.

Таня

«Мама, посмотри какое солнце!
Видишь: оно падает в Неву.
Если мне спасать его придётся,
Я тебя на помощь позову!

Правда, что оно сейчас похоже
На большой, румяный, вкусный блин?
И на леденец немного тоже,
Жалко только, что всего один.

Вот бы шоколадную конфету
И хрустящей булки с молоком,
Чтоб быстрее наступило лето
И чтоб наш не разбомбили дом».

Голос рвался раненною птицей,
Бился в крест бумажный на окне,
И смотрели с фотографий лица
Молодых, подаренных войне.

Под худым, протёртым одеялом,
Посильней зажмуривши глаза,
Девочка в отчаянье шептала.
Бушевала за окном гроза

И над непокорною рекою,
Обнимая вензеля оград,
Плакала рубиновой тоскою,
Глядя на суровый Ленинград.

Сквозь печалью за́литые стёкла,
Разрывая цепь голодных дней,
Первый луч – беспомощный и блёклый –
Проскользнул. Из призрачных теней

Выступили обречённой горкой
У буржуйки старенькой тома.
И казалось, что под шёпот горький
Уползала навсегда зима.

Сколько же забрать она успела,
Бросить в топку алчную: в войну!
Девочка слабеющая села,
Протянула руку. Тишину

Только сердце, как набат, взрывало,
Сердце, не изведавшее грёз.
Девочка беззвучно закричала,
А потом заплакала без слёз.

И писала, плохо понимая,
Тонкою дрожащею рукой:
«Мамы нет… тринадцатое мая… –
И, помедлив: – Год сорок второй…»

Беззащитные страницы раня,
Вывела на красной полосе:
«Из живых осталась одна Таня».
И ещё… Что умерли-то все…

Май другой, Победой трудной пьяный,
Встретил долгожданную весну.
И народ, немыслимо упрямый,
Выиграл великую войну!

И опять весна! И скольких в мире
Танями девчонок назовут!
Только вот в большой своей квартире
Савичевы больше не живут.

Не забудь меня

Не летящий снаряд – звезда,
Это гром – не зениток вой.
Я – совсем ещё молода,
Ты – пока что ещё живой.

Это – белых акаций дым,
Майский дождь – не кровавый пот:
Был счастливым для нас таким
Сорок первый далёкий год.

Закипал на жердёлах цвет,
И рвалась из земли трава.
Вижу я через столько лет
Как ты молод, а я – жива.

Через тысячи тысяч лун,
Через сотни веков, эпох,
Сорок первый со мной июнь:
Перекрёсток людских дорог.

Мы вгрызались в земную твердь,
Мы держались, чтоб не сойти.
Чтоб не выжить, не уцелеть:
Чтоб собою закрыть, спасти.

А судьба, как дано судьбе,
Раздавала свои благá:
Мне – Майданек, ну а тебе
Стала Курской петлёй дуга.

Ты светил мне с небес звездой,
Провожая в последний путь.
Я кричала тебе: «Родной,
Не забудь меня, не забудь!»

Я живу уж вторую жизнь.
Только ведь всё одно – в тисках.
В той – сраженья и рубежи,
В этой мне без тебя – тоска...

Живи!

Он умер. И только большая трава
Шумела и пела, свежа и жива.
И правом, ей данным разумным Творцом,
Смыкалась над павшим прощальным венцом.

Он умер. А солнце входило в зенит.
И свет проливало, что землю хранит.
И капало мёдом в головки цветов,
Решительно сбросив туманный покров.

В цветочных кувшинах купались шмели,
И тёплые струи по стеблям текли.
И в знак урожайных грядущих побед
Земля выпивала живительный свет.

Он думал, что умер. Он знал, что ушёл.
И было уже где-то там хорошо.
Без страха и боли, без слез, без потерь,
Он верил, что станет свободен теперь.

Но что-то мешало... Возможно, трава,
Кричавшая очень бестактно: «Жива!»
А, может быть, птица с зелёным хвостом,
Что вдруг над страдальцем зависла крестом.

Он вспомнил, что любит малину и мёд,
Что кто-то в него очень верит и ждёт.
И как же теперь без него соловьи…
Высокое небо качнулось: «Живи!»

* * *

Ну, а если вот так: к нам нагрянет сегодня весна.
Непременно сейчас, средь осенней безрадостной хмари.
От волненья румянясь, а, может быть, даже от сна
Засмеётся: «Ну что, удивила? Забыли? Не ждали?».

И прольётся на хляби вселенские солнечный сок.
Жизнь начнётся другая: не будет в ней места покою.
И земля отогреется, каждый смакуя глоток,
И сухие кусты закипят молодою листвою.

Время, солнцу послушно, назад закружúт колесом,
Мир опять расцветёт и любовью повяжет, стреножит.
И красивая – я, с ослепительным майским лицом,
Пусть всего на немного, но всё же моложе, моложе…

Там и лето наступит. Конечно же, лето придёт!
И со всем, что положено: с морем, с черешней, с грачами.
И сошедший с ума, обалдевший от счастья народ
Будет делать подобных себе, и не только ночами.

Пусть всего понемногу нам выпадет: луж и тепла.
После дальней дороги пусть ждут нас свои палестины.
Переделаю набело все, что тогда не смогла:
И случатся стихи, и, возможно, что даже картины.

Я не буду бояться теперь ни потерь, ни угроз,
Что на деле окажутся просто далёкой грозою.
Это лето запомнится мне перламутром стрекоз,
Только пусть не войною, пожалуйста, пусть не войною…

Мама

Выжимала боль её до капли.
Шнуровала ледяным корсетом.
И, хрипя, она кричала: «Хватит!»,
В самый тёмный час перед рассветом.

Боль пилила тело на кусочки,
Изощрённо, знающе глумилась.
Но, дойдя до невозвратной точки,
Интерес теряя, отступилась.

И когда страдалица решала:
В ад ли, в рай? И было всё едино.
А куда возьмут, ещё не знала,
Ей впервые показали сына.

И на прежних матерей похожа,
В страхе за него она рыдала.
Ведь прекрасней этих ручек–ножек
Ничего-то в жизни не видала.

Тёмной ночью у его кроватки,
Умоляла Господа порою:
«Боже, дай ему дороги гладкой!
Всё плохое я собой закрою…».

Ах, каким же он красавцем вырос!
Синий взгляд, в плечах – косая сажень.
И щетина первая пробилась,
И, как взрослый, стал он очень важен.

Вихри чувств, влюблённости, свиданья,
Поцелуи, обещанья, вздохи.
Маме от сыновнего вниманья,
Оставались высохшие крохи.

И она придирчиво вздыхала,
И ждала на кухне до рассвета,
И опять обед разогревала,
И спала, не выключая света.

Приходил голодный, виноватый…
Мать всегда слегка его журила.
И ещё сильнее, чем когда-то,
Сына повзрослевшего любила.

Жизнь своею чередой катилась,
И в урочный час пришла повестка.
Вроде ничего и не случилось,
Только сердце оборвалось резко.

Он на проводах её не слушал,
Обнимая хмурую девчонку.
Мама думала, что так и лучше,
На дорогу дав ему иконку.

Белые конверты полетели,
Птицами, дарующими счастье.
С ними было легче ей в метели
И уже не страшно так в ненастье.

Только жизнь ножом, острее бритвы,
Судьбы их безжалостно вспорола:
«Сын Ваш пал на поле ратной битвы.
В феврале. Числа двадцать второго».

И вернулась боль, подруга злая,
В сумасшедшем вихре закружила,
Незаконченное вспоминая,
И тянула, и тянула жилы…

Мысль на дне её сознанья билась,
Тяжкий груз когда несли солдаты:
«Как в коробке этой уместилось,
Всё, что было дорого когда-то?»

Уготован сыну путь опрятный,
Меж могил насыпаны дорожки.
«Что это за ящик непонятный?
Кто замазал краскою окошко?

Я прошу вас, люди, помогите!» –
Повторяла словно заклинанье.
«На минуту сына покажите!!!»
Но ответом было ей молчанье.

И голодной хищницей казалась
Темнота могильного провала.
Мама сына хоронить мешала:
Гроб собой железный закрывала.

Полетели горестные комья
И о крышку гулко застучали.
«Больно, Господи, ну как же больно…».
Словно камни те в неё бросали.

Потянулись серые недели.
Месяца повисли кандалами.
Ей дышалось трудно, еле-еле,
Горькими бессонными ночами.

В час, когда до пропасти осталось
Сделать шаг с безумным миром в связке,
Ей приснилось или показалось:
Сын-то жив! Хоть ездит на коляске.

И совсем другой она проснулась,
С радостным румянцем во все щеки.
Что-то на душе перевернулось
В эти удивительные сроки.

И сыночку данная иконка,
Потянула, как магнит, в дорогу.
К своему любимому ребенку
Заспешила мама на подмогу.

Но Кавказа древние вершины
Хмуро и не ласково встречали.
Удивлялись сильные мужчины,
Ей в ответ растерянно молчали.

Не сравнится с материнской верой
Ничего на этом белом свете.
Ей Господь отсыпал полной мерой
Мужества на тысячу столетий.

И она искала! Очень стойко
С ротой сына проходя торосы.
Где же не бывала она только,
Выплакав над мёртвыми все слёзы.

Мальчикам седым, ещё безусым,
Матерью второй отныне стала.
Сыновей своих, когда-то русых,
Как могла от бед уберегала.

Каменными горными хребтами,
Где чужому – братская могила,
Наравне с суровыми бойцами,
На Голгофу каждый день всходила.

Сколько глаз дрожащею рукою
На холодных лицах закрывала.
Ночью лишь, наедине с собою,
Горьким думам волюшку давала.

Вот уже с лесов сошла «зелёнка»,
И в свои права зима вступила.
Ну, а мать пропавшего ребёнка
Почему-то всё не находила.

Только не мешала ей погода
К цели своей следовать упрямо.
…Утром командир родного взвода
Попросил: «Вы, помогите, мама.

Только вам могу доверить это.
Пацанов зелёных постреляли,
Их отправить в лазарет к рассвету
Санитары нам пообещали.

Тут недалеко: всего час лёту.
Отдохнуть вам тоже не мешает.
Но как отдохнёте – сразу в роту,
Вас ребятам очень не хватает».

В госпитале низкие порожки,
Чтоб легко коляски «проходили».
Лишь она присела «на дорожку»,
Как в глазах полоски зарябили:

В инвалидной старенькой коляске,
На халате сером – поясочек,
Как в приснившейся, давнишней сказке,
Ей навстречу ехал ***он***… «Сыночек!!!»

На колени перед ним упала,
Обхватила остренькие плечи.
И на ухо без конца шептала:
«Потерпи сынок… уже полегче».

Прижимая к сердцу своё чадо,
Пальцами сведёнными поближе,
Слушала, как лучшую награду:
«Мама… Мамочка… Я – жив, я – выжил!

Я контужен был и сильно ранен,
И не помнил имени и рода.
Только вот вчера дружок-татарин,
Поступил к нам из шестого взвода.

С головы как пелена упала,
В миг один, как с дерева листочек…
Если б знал, что ты меня искала,
Побежал бы…». «Ничего, сыночек…

Мама рядом, значит всё в порядке.
Дай-ка потеплей тебя укрою.
Подремли ну хоть минуту, сладкий,
Буду я всегда теперь с тобою.

Баю бай... Стелю тебе постельку...
В новый день начнётся жизнь сначала...».
И коляску, словно колыбельку,
Худенькой рукой своей качала.

«Боль ты, боль, – заклятая подруга.
Что ж тебе спокойно не живется?
Что в груди закручиваешь туго?
Видно знаешь: своего добьёшься...

Но за то скажу тебе: спасибо,
Что дала мне свидеться с сыночком...».
И, последние забравши силы,
Мир померк и сузился до точки.

Раскрутилась старая пружина,
Полыхнуло сердце и сгорело.
Мать в глаза испуганные сына,
В миг последний счастливо смотрела…

У одной могилы на погосте
Роз не переводятся букеты.
Воробьи заглядывают в гости,
Мчится мимо ласковое лето.

И на нотах красного заката
Ветерок разыгрывает гаммы
Той, которой вместо скорбной даты
Выбили одно лишь слово «МАМА»…

СОДЕРЖАНИЕ:

ТОННЕЛИ БЕССОНИЦ
Ангел 6
«Ты думаешь: «Зелёная река…» 8
Дриада 10
«Баю-бай, моя голубка...» 11
Именины 13
«За далёкой горой анфиладу небес...» 14
Светлое 15
Степная песня 17
Интервью 18
Кормилица 20
О чём мечтают дети 22
«А за Дон могучий солнышко садится...» 24
«Сегодня ты зайдёшь в остывший дом...» 25
Одиночество 27
Осенняя справедливость 28
«Тоннели бессонниц пустынны и гулки...» 30
Моему другу Данко 31
«В час, когда полу́ночные тени...» 33
Последнее утро 34
Прабабушке 36
Родион 37
Марусе 39
«... И руки опустив легко на плечи...» 40
Сон 42
«Уже зима в морозные чертоги...» 43
Утреннее 44
До встречи 45
Странник 46

КАНОНАДА ДАЛЁКОГО БОЯ
Хатынь 52
«Всё кончилось. Закончилась война...» 55
Невеста 56
Предатель 58
«Мне б сейчас доползти до стакана...» 59
Четвёртый взвод 61
Таня 62
Не забудь меня 65
Живи! 67
«Ну, а если вот так: к нам нагрянет...» 68
Мама 69

Коротеева Ирина Олеговна
ЗЕЛЁНАЯ РЕКА
сборник стихотворений

В авторской редакции
Дизайнер *И. Сиренко*
Директор издательства *А. Береговой*
Издательство Литературного фонда России
«Донской писатель»

344002, Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича, 89/94
т.ф. 8 (863) 292-78-03; 9-918-59967-54;
8-918-854-80-59

Подписано в печать 26.04.2016. Формат 60x84 1/16
Объём 80 стр. Тираж 300 экз. Бумага офсет 85
Обложка: картон «Лён» 4+0 Склейка «Биндер»
Гарнитура: Times New Roman.

Ростовские региональные отделения
Литературного фонда России
Союза писателей России

Издательство «Донской писатель»

Всем авторам, а также юридическим лицам (предприятиям, фирмам, организациям, учреждениям, административным структурам):

– издание книг, буклетов, журналов;

– редактирование текстов;

– консультации известных донских прозаиков и поэтов;

– рецензирование рукописей;

– подготовка и выпуск мемориальных альбомов/книг (включая текстовый контент и дизайн);

– иные полиграфические услуги;

– помощь в реализации особо удачных книг.

10% скидка членам Литфонда РФ.

Высокое качество – низкие цены – точные сроки.

В издательстве «Донской писатель» работают профессионалы.

Издательство «Донской писатель» с апреля 2015 года начало выпуск малоформатных и низкобюджетных (по минимальным ценам) книг из серии «Библиотечка журнала «ДОН_новый».

С условиями нашего с Вами сотрудничества Вы можете познакомиться в представительствах издательства по телефонам:

в Ростове-на-Дону: т/ф 8-(863) 292-78-03;
тт. 8-988-567-43-95/8-918-599-67-51/8-918-854-80-59,
в Новочеркасске: 8-918-854-80-59,
в Новошахтинске: 8-918-544-10-91,
в Вёшенской: 8-929-819-51-17,
в Таганроге: 8-989-535-21-19,
в Волгодонске: 8-918-569-53-61,
по Краснодарскому краю: 8-928-039-51-78.
donpisatel@yandex.ru